



Евгений Спасский. Валерий Козинец в роли Руслана. 1973.

Холст, масло. 79×69.

Шуйский литературно-краеведческий музей им. Константина Бальмонта

Один из двух портретов кисти Е.Д. Спасского, где он запечатлел Руслана в исполнении актера В.Е. Козинца, сыгравшего эту роль в кинофильме «Руслан и Людмила» (1972).

Православные мыслители XX столетия считали Пушкина «завершителем христианской метафизики Европы» в ее специфическом русском варианте. С этой точки зрения, мифопоэтика Пушкина имеет космологический смысл. Созвучие имени Руслана и этнонима «Русь» заставляет видеть в герое поэмы идеал русского витязя, а в женитьбе Руслана на дочери князя Владимира Киевского – священный брак. Похищение Людмилы нарушает духовную целостность рыцаря (Руслан называет Людмилу «супругой своей души»). Ее восстановление составляет главную мистерию поэмы и фильма.

Сакральному смыслу «Руслана и Людмилы» отвечали костюмы, сделанные по эскизам О.С. Кручининой. За основу второго костюма Руслана (в котором тот изображен Спасским) взята не просто историческая реконструкция, а доспех святых воинов-мучеников из православной иконографии: пластинчатый панцирь, плечевые щитки и подол, нагрудные ремни, короткий хитон, цветные ноговицы.

Запечатлевая образ Руслана, Спасский избрал момент фильма, когда герой пребывает на грани отчаяния в хрустальной пещере: «Нигде Людмилы следу нет». В поэме сад Черномора, где под шапкой-невидимкой дремлет Людмила, находится не в пещере. Хрустальные чертоги в фильме отсылают зрителя к другой поэме Пушкина – «Сказке о мёртвой царевне...», которая покоилась в хрустальном гробу.

Интересно, что в российской культуре второй половины XIX века хрустальный дворец стал восприниматься как «квинтэссенция атеизма», символ богоборчества. Однако Спасский помещает своего Руслана на фоне другого пейзажа, вроде бы не имеющего отношения ни к фильму, ни к поэме. За героем раскинулась обозреваемая с высоты панорама моря, а среди облаков парит в небесной дымке многоглавый, трехъярусный храм из золота. Взыскующий, полный томительного ожидания взор витязя обращен в противоположную от храма сторону.

Герой Спасского пока не видит его, так же как Руслан поначалу не видит свою возлюбленную супругу. В поэме и фильме Руслан обнаруживает Людмилу, когда, обезумев, начинает крушить все вокруг себя мечом и случайно сбивает с княжны шапку-невидимку.

Но художник, кажется, предлагает своему витязю иной выход. Обращает на себя внимание аналогия между куполовидным шлемом-«ерихонкой» Руслана и очертаниями небесной церкви. Сможет ли Руслан узреть свой внутренний храм и открыть посредством этого Небесное Царство?

Р.В. Багдасаров, историк